

Глава 1

Танька быстро хлебнула воды из остывшего с вечера чайника, цепко выломала из вчерашнего батона квелую корку и сунула ее в карман черного школьного фартука. О нормальном завтраке нечего было и думать: мать с утра ходила с белым лицом, что означало надвигающийся скандал. Повод для скандала лежал на продавленном родительском диване, плотно завернувшись в одеяло, и тихо постанывал в тяжелом похмельном сне. Отец вернулся домой часа в два ночи, мать к тому времени уже спала, и сейчас ярость, которой она не успела встретить его накануне, переполняла ее. Все это Танька тоже проспала, но общую канву событий считывала по опыту. Скорее всего, после ее ухода мать, доведенная до ручки безмятежностью спящего мужа, накинется на него и пропущенный вчера скандал будет с лихвой компенсирован сегодня. Пока еще длилось нервное затишье перед бурей.

Мать стояла перед зеркалом в полумраке комнаты, готовая к выходу, и мазала губы помадой.

— Мама, я побежала. Мне сегодня пораньше, — робко сказала Танька от двери.

Мать вздрогнула от неожиданности, уронила помаду и заорала:

— Ах ты дрянь! Подкрадется, как вор... Что за девка тупая! Утром спокойно собраться не даст. Иди отсюда, бестолочь! Иди, чтоб глаза мои на тебя не смотрели...

Отец тоненько застонал во сне и глубже зарылся в одеяло. Таньку долго уговаривать не пришлось. Она схватила с вешалки куртку и выскочила в коридор. Дверь хлопнула, закрываясь, а она замерла в пустом коридоре и прислушалась. Погони с криками на весь подъезд сегодня не будет, по тишине за дверью поняла Танька и побежала к лестнице. Теперь перед ней до самого вечера расстилалась невероятно огромная и свободная даль жизни, где она была предоставлена самой себе. Если бы мать увидела в этот момент свою дочь, сияющую всей красотой позднего детства, она вряд ли узнала бы забитую, вечно испуганную бледную бестолочь, которая изредка тенью мелькала в дверях и послушно исчезала, когда матерью овладевал очередной приступ ярости.

Она работала главным бухгалтером в депо, с которого некогда, еще в Гражданскую войну, начинался крошечный городок Шахунья Нижегородской губернии. Из-за стервозного ха-

рактера бухгалтером она считалась хорошим. Муж, хоть и алкоголик, тоже занимал не последнее место в городской иерархии: как-никак главный инженер молокозавода. Все это почти сразу после Танькиного рождения позволило им выбить нормальную квартиру.

Нормальной, правда, ее считали только жители бараков. У них сортиры стояли на улице, а заселение происходило по принципу «одна семья — одна комната». Уединиться в новой квартире получалось только в те счастливые моменты, когда мать была на работе. Но так как к семи часам каждого буднего вечера она неизменно оказывалась дома, тонкие стены квартиры немедленно становились проницаемы для ее присутствия. Страх перед материнскими скандалами висел здесь, как паутина по углам в деревенских сараюшках. Ни в одной из двух комнат нельзя было укрыться от ее гнева, который вспыхивал мгновенно и беспричинно. Страх превращал и отца, и дочь в пугливые привидения, скользившие по дому бесшумно и бесплотно. Как у существ не вполне человеческих, никаких прав у них не было. Мать же, единственный весомый человек в семье, имела право на всё. Она жаждала видеть обоих своих домочадцев всегда рядом, всегда с потупленными, испуганными глазами, всегда покорными, всегда безгласными.

Впрочем, Танька была рада даже этим скудным квартирным обстоятельствам. Она люби-

ла не столько квартиру, сколько дом, то есть кирпичную пятиэтажку, которая в паре со своим близнецом, домом через дорожку, украшала собой городской центр и была самым высоким зданием в городе. Дом стоял слов нет как удобно. Прямо через двор — Танькина школа. Сразу за школой — крошечный железнодорожный вокзал, а за путями, на той стороне железки, — мамкина работа, то бишь депо. Только отцу до его молокозавода, располагавшегося на самой окраине, было далековато. Пешком минут двадцать. Но его рабочий день начинался не раньше одиннадцати, так что не переломится, говорила мать, дотащится до своих жиробасов. Жиробасы — так она почему-то называла отцову работу, мрачные, вонючие цеха молокозавода.

Чтобы не длить минуты, проведенные дома с матерью, Танька давно уже придумала, что в школу ей надо пораньше: классная руководительница, математичка Регина Авдеевна, якобы требовала, чтобы Танька перед уроками проверяла домашку у троечника Витьки Гребешкова по прозвищу Гребень. Сочинять почти не пришлось. Регина действительно просила ее, отличницу, приглядеть за Витькой и помочь ему. Но первыми в расписании обычно шли история, биология или литература, которые Танька хладнокровно игнорировала, а уж Гребень и подавно. Таньке, чтобы иметь уверенную пять по биологии или уж тем более

по истории и литре, надо было всего лишь восстановить в памяти предыдущий урок, который она запоминала с магнитофонной точностью, и пересказать в своей интерпретации, добавляя все, что хранилось у нее в голове по этой и смежным темам. А так как в голове у Таньки обычно хранилось много интересного, то и выходило, что ее интерпретация чаще всего оказывалась куда увлекательнее учебника. Таньке легко удавалось то, что в их школе умел редкий преподаватель, а именно превратить скучный предмет в интересный. Поэтому училки, не любившие конкуренции, ее почти никогда не спрашивали, а пятерки ставили автоматом. Гребня же оценки беспокоили мало. Жил он в старых железнодорожных бараках в самом конце длиннющей улицы Коминтерна. Отца нет, мать уборщица на вокзале, по лавкам еще двое меньших братьев сидят — что с него взять. Так что Танька, конечно, спешила в школу, но исключительно по собственному желанию. То был инстинкт, а с инстинктом шутки плохи. Как кошка бежит от собаки, так и Танька бежала из дома. Страх остаться наедине с матерью был вечным ее спутником с раннего детства.

Однако его парализующая сила действовала лишь в непосредственной близости от матери. Как только за Танькой захлопывалась дверь подъезда, память о доме мгновенно испарялась. Улица открывала перед ней ворота весе-

лой свободы. Вот и теперь впереди лежала родная Шахунья и звонкая весенняя слякоть. Талый снег с дорожек успел соскрести дворник дядя Марат. Под ногами ничего не скрипело по-зимнему, зато бодро хлопали тусклые мартовские лужи. Бледно-серое небо затянули водянистые облака, которые неторопливо ползли с севера на юг, задевая брюхом крыши пятиэтажек, и грозили разразиться то ли первым дождем, то ли последним снегом. Танька вдохнула холодный, густой от влажности воздух — от угольного дыма со стороны железки на нее повеяло томительной далью и путешествиями — и побежала в школу.

Глава 2

Танькина мать, Оксана Зайцева, была родом из Горького, лежащего за синими лесами и зелеными полями в двухстах пятидесяти километрах на юго-запад. Отец родился там же.

Мать с отцом познакомились еще студентами — случайно, в автобусе. Оксана со своим диковатым, плоским, слегка монгольским лицом никогда не была красавицей. Однако высоко и гордо поставленная ее голова с широкими скулами и миндалевидный разрез узких глаз действовали на молодых людей гипнотически. Откуда, из каких генетических закровов достались ей раскосые глаза, которые прежде ни у кого из родственников не наблюдались, неизвестно. Зарабатывали родители мало, жили в жалкой каморке в бараке. При этом у дочери был не только строптивый характер, но и некоторые начатки вкуса, кругозора и острая тяга к прекрасному. Оксана любила книж-

ки, красивые платья, голливудское кино, похаживала на танцы в пристанционный ДК и даже одно время пела в заводской самодеятельности.

Но главное, что отличало ее от родителей, была неожиданная страсть: куда больше, чем шмотки и танцы, она обожала математику. Когда молодые люди начинали ей многозначительно подмигивать в общественных местах, она демонстративно доставала из сумки учебник математических задач повышенной сложности под редакцией профессора Арнольда и, насмешливо прищурившись, погружалась в чтение. В рабочем Горьком мало кто мог бы поддержать беседу со студенткой, читающей труды профессора Арнольда. Глеб Белоиван, второкурсник горьковского политеха, как раз мог. Чем он и воспользовался, увидев в автобусе восточную девушку, отгороженную от мира почтенным профессорским авторитетом.

Была весна, все горьковские набережные бушевали сиреневым цветом под вольным окским ветром. У Белоивана при виде поклонницы математики помутилось в глазах. Оксана была не столь романтична, но и ей глянулся высокий стройный брюнет хрупкого телосложения с модно зачесанной назад челкой.

Быстро выяснилось, что она готовится к поступлению в горьковский универ, разумеется, на математический факультет. Глеб же

второй год изучал то, что он важно называл жировыми технологиями. До встречи с Оксаной он был влюблен в сложные цепочки органического синтеза. Цепочки отвечали Глебу взаимностью. Но Оксана затмила всё. Они начали встречаться. Девушка оказалась с характером и всем руководила сама. На первом же свидании она твердо заявила молодому человеку, что главное для нее экзамены, и точка.

В конце июля Оксана уже горько рыдала на плече у Глеба: на математический факультет она не поступила — не хватило всего-то одного балла. Провал она восприняла трагически. Объявить бывшим одноклассникам, что провалилась, она позволить себе не могла и тут же отнесла документы в местный филиал Московского института советской торговли. Там экзамены были чистой формальностью. В общем, вместо высокой науки Оксана занималась теперь нехитрыми квартальными ведомостями. Надо было держать лицо, и она старательно делала вид, что увлечена экономикой. А между тем вся эта торгово-экономическая возня вызвала у нее глубокое отвращение.

Экономику им преподавали в весьма упрощенном виде. В институте и не скрывали, что готовят обычных бухгалтеров для торговых сетей. А им много теории не требовалось. Конечно, со своей университетской подготовкой и ответственностью Оксана тут же стала лучшей на курсе, где ни студенты, ни преподава-

тели звезд с неба не хватали. В большинстве своем ее соученики только и думали о том, как бы пристроиться к хорошей кормушке в приличном универмаге, что по умолчанию давало свободный доступ к дефициту и деньгам. Все это Оксане было противно.

А между тем у Глеба Белоивана в его политехе дела обстояли как нельзя лучше. С Оксаной он был застенчив и слегка неуклюж, зато жировые технологии высвобождали в нем какие-то могучие резервы характера и отчаянную дерзость первооткрывателя.

Родители, как часто бывает, гордились сыном невероятно, изо всех сил поддерживая его уверенность в себе. Сами они провели всю жизнь, обучая горьковских оболтусов литературе и русскому языку в автотехникуме при огромном ГАЗе. За плечами у старших Белоиванов было только девять классов школы и какие-то ускоренные педагогические курсы, оконченные сразу после войны, однако они не без гордости считали себя интеллигентами в первом поколении. Сын же первым в их исконно крестьянском роду получал настоящее высшее образование. Его успехи они просто-душно принимали на свой счет. Они так и представляли себе историю своей славной фамилии — каждый следующий Белоиван будет все выше восходить по лестнице земной славы. Сначала они сами вырвались из бедного приволжского колхоза в город. Теперь вот растет

ТАНЬКА

сын-отличник. А уж чего добьется их внук, даже подумать страшно.

Оксану они невзлюбили сразу. Она портила им всю взлелеянную годами перспективу. Во-первых, она была старше их Глебушки на полгода. Во-вторых, училась на обыкновенную торгашку. Ну и в-третьих, в монгольском прищуре Оксаны они видели лишь хитрость и желание сесть на шею их сыну. С тех пор Глебу дома не давали прохода. Оксану полоскали и утром за завтраком, и вечером за ужином.

Родители Оксаны, у которых на шее висела еще и младшая дочь, были счастливы, когда старшая объявила о своем поступлении, — институт торговли предоставлял студентам общежитие. Как только Оксана перебралась в город, ее стали считать отрезанным ломтем. Ни о какой помощи и речи не было. Девочка выросла, съехала, а дальше уж как получится, они свой родительский долг отработали.

Глава 3

На четвертом курсе политеха Глеб предложил своей Шамаханской царице, как он ее ласково называл, выйти за него замуж. Оксана не то чтобы Глеба любила, но знала, что деваться ей некуда. В институте торговли учились в основном девушки. Две недели она думала, а потом согласилась. Глеб ей и в самом деле нравился. Во всем ее слушался, ухаживал красиво — с букетиками скромных цветов, маленькими подарками, купленными на скудную студенческую стипендию. Любовь же, как и всякая поэзия с романтикой, казалась ей привилегией людей богатых и нигде не работающих. А она со второго курса, хоть и получала повышенную стипендию, уже подрабатывала уборщицей, а потом и младшим бухгалтером в небольшом продмаге возле общаги. Какая любовь!..

Расписались по-студенчески, без шума. Однако печати в паспортах еще не гарантирова-

ли создание новой ячейки общества. Жить молодым было негде. Старшие Белоиваны слышать не хотели о том, чтобы невестка обосновалась в их двушке от завода. Молодые продолжали ютиться по своим углам — Оксана в общежитии, Глеб дома. Надо было думать, что делать дальше.

Глеб должен был окончить институт на год раньше жены. На этом Оксана и строила свои планы. Он будет работать, получит служебную квартиру, а она спокойно доучится, не надрываясь на подработках.

Так бы все и вышло, если бы не любовь Глеба к органическому синтезу. На пятом курсе политеха талантливый студент Белоиван почти случайно наткнулся на весьма интересный способ обеззараживания молока, которое было вечной головной болью любого молочного производства. Назывался способ красивым словом «кавитация». Явление уже было известно, но в молочном производстве не применялось. А между тем кавитация сулила те же блага, что и пастеризация, только на порядки дешевле. Институтское начальство тут же увидело в идее пятикурсника Государственную премию для него и для себя. Эти радужные перспективы по умолчанию предполагали, что молодое дарование останется на кафедре в качестве аспиранта, а там и кандидата наук.

Однако, когда речь зашла об аспирантуре, Оксана напряглась. Аспирантов, конечно, селили в общежитии, где были даже комнаты для семей-

ных, но ни о какой отдельной квартире в обозримом будущем мечтать не приходилось. Как опытный бухгалтер, она быстро подсчитала убытки и объявила, что так дело не пойдет. Научный сотрудник получал раза в два меньше, чем технолог на производстве, да и вообще наука — это для слабаков. Любой же завод для умного человека с дипломом — это возможность стремительного взлета по служебной лестнице, большие деньги и самые разнообразные блага, от квартиры до бесплатных профсоюзных путевок. На свой собственный путь в торговле она не рассчитывала — честных и принципиальных бухгалтеров недолюбливали, предпочитая иметь дело с теми, кто не боится испачкать рыльце в пушку.

Глеб поначалу принял рассуждения Оксаны за шутку. Он попытался объяснить ей свои планы. Но любимая жена требовала от него не журавлей в небе, а конкретную синицу в руке — высокую зарплату и карьеру производственника со всеми положенными льготами. И все же, когда после экзаменов и блестящей защиты диплома Глеб получил предложение остаться на кафедре, он его принял.

Оксана рвала и метала. Речь шла о настоящем предательстве. Жировая технология в ее глазах стала обретать черты коварной разлучницы. Отношения с мужем стремительно портились. Каждый день, проведенный им в лаборатории, Оксана воспринимала как супруже-

ТАНЬКА

скую измену. Она слегка утешалась большой комнатой в семейной общаге: стали жить вместе, что выходило дешевле. Однако ежедневная близость ученого мужа, к которому чуть ли не каждый вечер заваливались коллеги-аспиранты, ее безумно раздражала. Они-то вольные люди, а ей, извольте, пожалуйста, с утра к первой паре.

С переездом в аспирантскую общагу ее путь домой из магазина, где она подрабатывала, катастрофически удлинился. К мужу она приезжала усталая, злая и с порога начинала яростно его пилить. Это доставляло ей мстительное удовольствие. Глеб безропотно терпел и старался появляться дома как можно позже. Жену его отлучки скорее радовали. Она стала привыкать к тому, что без мужа отдыхает.